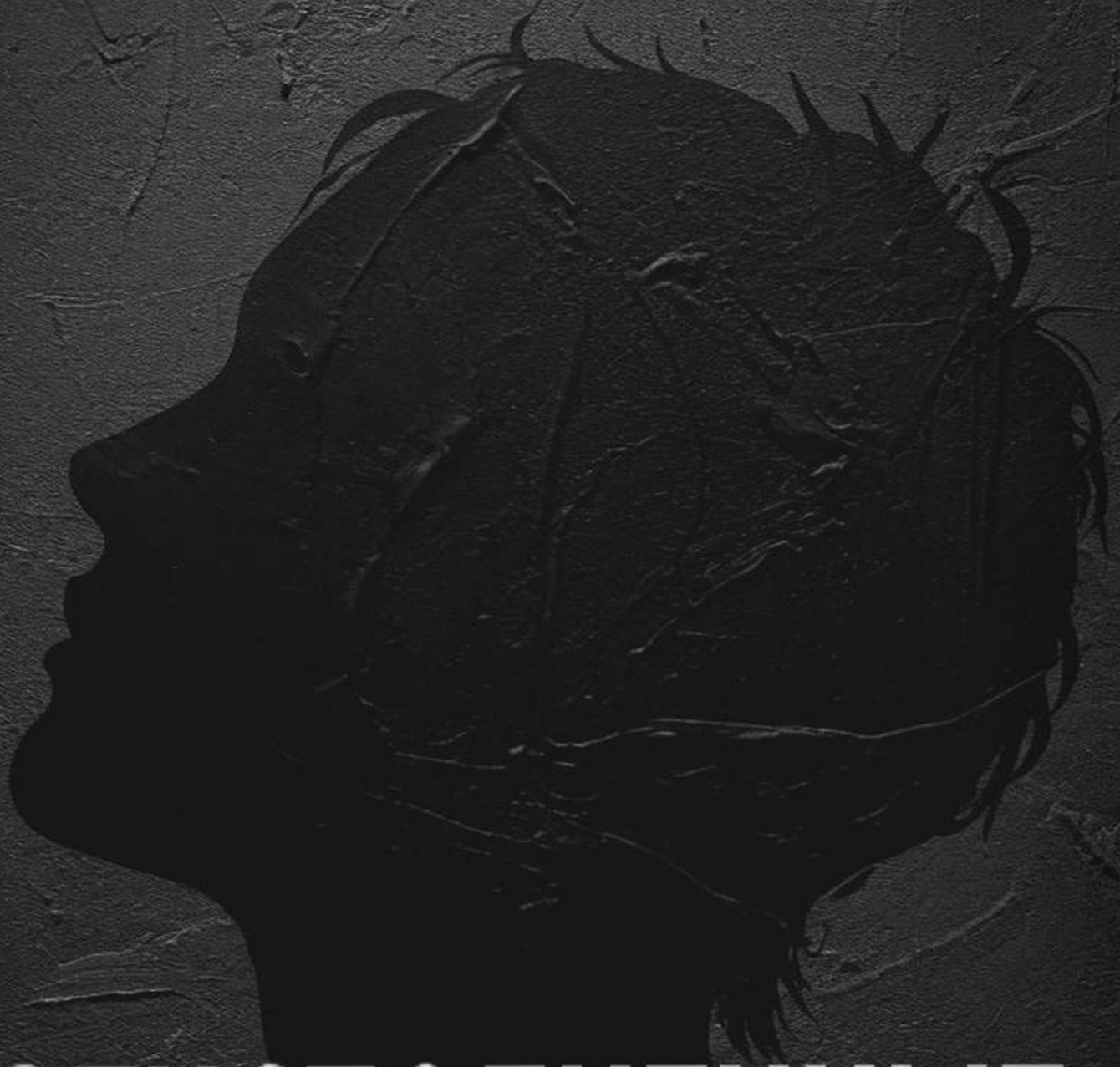

Дмитрий Выхватень

ПРЕИСПОЛНЕННЫЕ

Дмитрий Выхватень

Преисполненные

«Автор»

2026

Выхватень Д.

Преисполненные / Д. Выхватень — «Автор», 2026

Я спешил туда в замешательстве, даже в гневе; в нем за последнее время укоренилась эта дурная привычка, и каждый раз, когда оно все по новой повторялось, - а повторялось оно уже чуть ли не по несколько раз за день, - то мне приходила в голову решительно мысль, что все оно делается им намеренно, может быть, и не со зла, но по страстному убеждению его. Вообще говоря, теперешнее его состояние меня пугало до чрезвычайной степени. Все время, которое я его знаю, человек этот несловоохотлив, задумчивый и какой-то хмурый, и ведь все от каких-то убеждений, мыслей, ибо всегда-то оно так и бывает!

© Выхватень Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	10
III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Выхватень

Преисполненные

Кто из русских людей скажет, напишет или сделает что-нибудь свое, свое неотъемлемое и незаимствованное, тот неминуемо становится национальным, хотя бы он и по-русски плохо говорил. Это для меня аксиома.

Достоевский, «Идиот»

I

Я спешил туда в замешательстве, даже в гневе; в нем за последнее время укоренилась эта дурная привычка, и каждый раз, когда оно все по новой повторялось, - а повторялось оно уже чуть ли не по нескольку раз за день, - то мне приходила в голову решительно мысль, что все оно делается им намеренно, может быть, и не со зла, но по страстному убеждению его. Вообще говоря, теперешнее его состояние меня пугало до чрезвычайной степени. Все время, которое я его знаю, человек этот несловоохотлив, задумчивый и какой-то хмурый, и ведь все от каких-то убеждений, мыслей, ибо всегда-то оно так и бывает! Кажется, иной человек не вынесет того, что такие люди думают, и непременно сойдет с ума. Впрочем, я его понимал, и понимал даже с некоторым чувством; на жизнь его упало много неприятностей, всяких скандалов и событий, но тем не менее сей факт не позволял ему так поступать. Вдобавок мы уже обсуждали этот вопрос, и сошлись на том, что правда за мною. Сам же мой друг нуждался в поддержке, и я это знал и видел, а потому такое поведение, желание ступешаваться, меня досадовало.

Был конец мая, дни сделались теплыми и на этот раз даже весьма душными. Сегодня выходило всего-навсего две пары, и уже теперь, почти в полдень, я был свободен. Все у нас изобрели неудобно, и с завтрашнего дня начиналась зачетная неделя. Мы намерены договорились встретиться, прогуляться и поговорить о том, о чем необходимо было говорить. Был он мне верный и хороший друг, и, не отвечая на мои сообщения и звонки, оставил меня в полной растерянности, и все-таки теперь я решился пойти *туда*, чтобы обстоятельно выяснить все дело. Внутри мелькало какое-то странное и доселе не открытое мною чувство. А между тем я подозревал, в чем могло быть дело, и, как потом окажется, в некоторых пунктах предсказал положительно. Было мне известно от него же, что за последнее время его разум был заражен какой-то мыслью, современной идеей, и намеков было до такого количества немало, что очевидно мне стало наконец, что все это есть голос дикого желания выговориться. Теперь же я спешил туда, где мог узнать хотя бы его местоположение, и того было бы достаточно. На сегодня приходился его выходной, да и следует рассказать об этом персонажике чуть более. Учился сей на третьем курсе у нас в колледже, хотя и это таковым тяжело назвать: как и многие, ему вздумалось совмещать учебу и работу, - и на учебе появляться почти и вовсе перестал решительно. Было же это не из-за каких-то навязчивых окружением убеждений или материальной свободы, а от одной только необходимости. У него с детства выходили проблемы с отцом, и до того впал в известное многим состояние этот дрянной человек, что другу моему приходилось работать за себя и за него. Странное вообще это было дело, поскольку не было у него необходимости брать того под свое покровительство, ибо даже жили раздельно. Еще сначала, когда он только поступал, сумел повернуть одно любопытное дельце, скинув все на свое нынешнее положение, а именно: поначалу вскользь, а затем и не по своей скромности, расшевелил вдруг тему насчет своего бедственного проживания, что-де матери у него уж и с детства нет, а «отец без устали себе бухать позволяет, что чертики ему повсюду и мерещатся».

Замечу же, что колледж был наш вполне посредственный, в Подмоскowie, и не то что популярный, да и дела в нем осуществлялись подобные известным каким образом, - словом, как-то он смог договориться на месте в общежитии, в котором до сих пор и живет. Все это было по-темному, и ни о каком успехе дела не могло быть и речи, тем более что сам друг мой был из этого же города, в котором наш колледж и находился. По его же словам, приходилось насчет всего хлопотать недели с две, если не более, и все как-то обустроилось даже лучше, чем могло быть. Эта история меня всегда и удивляла, ибо не могли в таком человеке, которого почти за год я успел изучить психологически и с невероятной точностью, заключаться вдруг и такая решительность и грубая развязность. Порой такие тихие люди и зарежут не глядя. Тем не менее, несмотря на свою отчужденность, иногда он переменялся до какой-то фантастической черты и взаправду становился даже особенно болтлив; чаще всего случалось оное, когда он являлся среди какой-нибудь компании случайно - так, мимоходом, но какая-то острая тема разговора, ему приходившаяся по душе, стирала его прошлого окончательно и с тем демонстрировала какого-то нового всем человека, допрежь никому не известного. Он в каком-то исступлении начинал спорить со всеми подряд, приводя такие витиеватые аргументы и догмы в ответ, будто их заучивал несколько дней, - и с таким видом, что все, что ни выходило из уст его, есть аксиома. Впрочем, вытворялось с ним подобное крайне редко и даже неопределенно. А все-таки я уважал в нем его ум, это нестандартное мышление, которым он, очевидно, гордился и которое отстаивал всем порывом своей наивной души.

Я закурил скверную сигаретку; ноги мои несли меня стремглав к месту назначения, и уже через минут десять, с того времени, как я вышел из колледжа и еще несколько мгновений семенил рядом с ним в попытке получить отклик от своего друга, - показался наконец частный сектор в нашем мизерном и скромном городке. Здесь, среди домов, обитал один господин, теперь неистово захвативший мой рассудок ввиду своей для меня надобности. Мне был известен этот адрес, и дорогу выучил наизусть, и, может быть, вопреки этому факту, ни за что бы никогда не явился бы сюда. Выбора, однако, не было. Я завернул налево, выбросил выкуренный бычок на дорогу и прошел еще с шагов сто. Справа от меня был двухэтажный, уже слегка покосившийся набок, деревянный домишко. Тяжело было определить его цвет, ибо вся краска почти слезла с него. Калитка невысокого ветхого забора, по обыкновению, была отперта. Во дворике, перед домом, стояли две деревянные лавки по обеим сторонам стола друг напротив друга. Знакомый силуэт терся рядом с мангалом и что-то на нем жарил, периодически вертя шампуры. Внутри меня все зашевелилось, и какое-то гадкое, желчное чувство, граничащее с ненавистью, одолело мною. Вдруг этот человек заметил меня и замахал мне рукою в знак того, чтобы проходить к нему; делать было нечего: я зашел во двор.

Это был мужчина лет сорока двух, худощавый и росту выше среднего, с черными, коротко стриженными волосами. Лицо его было до нелепости вытянуто, а нос уж слишком широким, что придавало какую-то ему уродскую непропорциональность и нелепость. А между тем на его бледном, как луна, и морщинистом лице сразу же замечался ехидный, высокомерный взгляд. И, как я помню, оно каждый раз было такое, и в привычку у него вошла эта манерность, этот кураж с нескрываемым самодовольством. Господин этот был одет во все черное, на нем были сего цвета джинсы, футболка и поверх нее кожаная куртка. Я встал посередине двора, и мы с минуту смотрели друг на друга, не проронив ни слова; вдруг он посмотрел на меня лукаво, ослабившись, и что-то начало меня тяготить до внутреннего и произвольного трепета, до некой даже степени страха. Впрочем, случилось оно только в ту минуту, ибо я наверняка знал, что передо мной стоит гадость, мерзкий человек, и бояться его вовсе не стоит, тем более уже можно было оценить его состояние и уверить себя в безопасности окончательно. На его правом безымянном пальце я заметил обручальное кольцо, что привело меня в бешенство: «Неужели эта дрянь смеет носить его, после всего того, что он сделал, так еще и мой тезка!» - промельк-

нула у меня мысль. - «Нет, он уже что-то знает, заранее все выведал, ну или сумасшедший он!»
Наконец молчание прервал господин в черном.

- Паша, ей-богу, ты чего как не родной стоишь, али на уме чего? - как-то желчно вскрикнул он. На протяжении всего нашего с ним свидания в его речи была нотка некоего невинного высокомерия, словно мой тезка изначально, как что-то доказанное и неоспоримое, выставлял свое превосходство надо мною чем-то естественным.

- Давно ли в бога вы уверовали, Павел Федорович, да и давайте не тыкайте мне, раз оно на то пошло.

- Ты не дури давай, - язвительно отрезал мужчина, будто не придавая значения моим словам, - Алексеевич, Антонович...

- Андреевич, - перебил я его, - Павел Андреевич, извольте.

- Что же, Павел Андреевич, будет по-вашему-с, - подхватил он, особенно протягивая словоерс с оттенком иронии. - У меня тут, впрочем, говядинка, замечательная говядинка, вчера мариновал, с пивком на ура пойдет! Ты не стесняйся, присоединяйся, так как вижу же, как охотно ты смотришь! Да и не думаю, что тебя, Павел Андреевич, ноги сюда от одной лишь скуки донесли, хе-хе!..

- Да неужто вы в одиночку сейчас напиться-то и собирались, нажраться вдоволь, тоску утолить, - неистово сорвался я на господина в черном, - вы все колечко носите, да ее тем и унижаете, память об ней оскорбляя, как об ветошку ноги вытираете, вы ведь и ногти ее мизинца не достойны, знаете же, да? И ведь лжете, лжете, что любите до сих пор; теперь же даже и мясо замариновать некому вам - смешно, гадость! И все этот вид, лукавый вид, ходите как ни в чем не бывало, а колечко - оно ведь от тщеславия!

Вся эта грязь вырвалась из меня как-то неестественно, словно я репетировал, и даже не со зла, как от принципа. Еще изначально я шел с дополнительной целью, заключающейся в том именно, чтобы оскорбить этого человека самым похабным и порицаемым видом. После моей горячечной речи я сразу почувствовал опустошение, и какое-то волнение вдруг завладело мною, будто опомнившись, стал оценивать, как неделикатно, с юношеской амбицией, вступил в тонкий для меня вопрос. Мне показалось по его резко переменившемуся, теперь озабоченному и уставшему лицу, что он все понял. Тем не менее эффект моя речь произвела колоссальный. Господин в черном остолбенел, сконфузился и уткнулся взглядом в землю, что-то пытаюсь в ней разглядеть, но точно перед собой ничего в эту минуту не видя вовсе.

- Так я присоединюсь? - после молчания я вдруг робко спросил его.

- Садись, - тихо и серьезно пробормотал он.

Я сел на одну из лавок подле стола. После этих нескольких скромных слов для меня началась настоящая пытка. Мы не разговаривали с минут пятнадцать или даже все двадцать. Тезка вдруг с особым вниманием отвлекся на шашлыки, то есть на довершение их приготовления, и делал сие с таким хмурым, гордым видом, с такою благовидностью в лице, что мне стало окончательно совестно. Я чувствовал, как задел его гордость до высшей черты, - и ни разу, ни разу почти он не взглянул на меня во время этой работы, словно забыл про меня вовсе, - и лишь раз мы на секунду пересеклись взглядами, с его ненавистным взглядом, но его хватило, чтобы ощутить его намерение накинуться на меня, будь то хоть с ножом, был бы лишь повод, но что-то его останавливало, некое чувство собственного достоинства, которое он целиком осознал и будто красовался им. Наконец мужчина кончил дело и сложил шашлык в селедочницу, стоящую на столе, и сел на лавку напротив меня. Опять замолчали. На столе стояли некоторые закуски, и, признаюсь, выглядели они недурно. Было и пиво; я налили себе полкружки, для начала, и сделал глоток, как с тем же и опомнился, зачем пришел сюда, что «надо действовать, у меня друг не пойми куда пропал, а я так низко пал, и именно тем, что заговорил с ним с излишками, уделяя ему свое время, чего он не достоин, хоть и жалок».

- Павел Федорович, а куда Андрей делся?

- Хех, Андрюшка-то мой, да ведь он того, - утешался мужчина, слыша, что заговорили об его сыне, с прежним пренебрежением, - того ведь...

- Что «того»? - чуть не вскричал я. - Не пугайте меня, подберите же слог, вы уже хмельны! О боже! Взаправду уже выпил прежде... Как же не заметил... Павел Федорович, Павел Федорович, - все более тревожился я, замечая на собеседнике лукавую улыбку, - вы ведь сами знаете, каков Андрей, то есть, хочу сказать, его ход мыслей, и черт пойми, что там в голове его, и... весьма можно предполагать, к чему может все это его склонить, то бишь привести, и... и... да как так можно-то! Ведь я серьезно сейчас спрашиваю...

- Да и я весьма серьезно отвечаю, - язвил отец друга, крепчая духом.

- Андрей, он с утра не в сети, понимаете? Мы договаривались с ним сегодня встретиться, нам надо говорить, много говорить... Ничего не доходит, даже звонки, а он ведь какой-то идеей увлекся, страшной идеей, я в этом убежден - и что же? Я, может, да даже наверняка, накрутил себе лишнего, скверного допридумывал, фантастического, и тем не менее в последние дни в его речи проскальзывали некоторые намеки, хоть без явной намеренности, но все же; ибо это только начало, а все с мысли, обыкновенно глупой и случайной, и начинаются происшествия. Тут ведь обстоятельно исследовать нужно, чтоб точно проявить все; он вам говорил чего? непременно говорил, по глазам вижу, по ухмылке вашей вижу! Чего молчите, мстите мне, стало быть, да? Да не ломайтесь же, как ребенок, говорите!

- Паша, послушай, - начал спокойно и как-то с тем уверенно разъяснять Павел Федорович, - то, что я в состоянии теперь не наилучшем, чтобы трезво рассуждать, ты ловко и верно подметил; и, будем честны, оно только для тебя хуже, а мне торопиться незачем. Так что успокойся, иначе ничего ты не узнаешь. Дыши ровнее; вот так... хорошо. Я, брат, понимаешь, не из тех, кто ломаться любит, да и признака весомого нету к сему, а, между прочим, ты мне непозволительное выкрикнул, может, и справедливо, и по одной лишь твоей наивности, и все-таки ошибка колоссальная, грубая и легкомысленная. Вишь, пьяный, а каково говорю! А как же ты экспансивно про колечко упомянул, приметил себе объект высмеивания - и чего? Да ведь в ловушку-то и попался, в яму с колыями свалился, без всякой возможности выбраться!.. Я ведь немного налил, в осознанности толкую тебе правду житейскую, - пойми ты наконец!..

- Да к чему вы клоните? - с испугом перебил я его.

- Вот что: ты мне нервы расстроил, у меня такое бывает, это припадок, с возрастом поймешь. Хотя тут другое... К слову, мы об Андрее... я помню. Все довольно запутано, а с тем и чрезвычайно посредственно. И все-таки колечко: да разве ты знаешь? Такая скверна, такие сплетни, и все мимо; лучше дай мне оправдаться! Слышишь: *оправдаться!* - с каким-то жаром вдруг проскандировал Павел Федорович. - Перед тобою у меня дикое желание сказать истину, то, что было взаправду, и оно все точно, клянусь, ей-богу, я не могу в таком случае врать, это немисливо!

- Павел Федорович, - с искренним негодованием отнекивался я, - успокойтесь! Я, может, понял. Извините, прошу - извините, но сейчас не об этом.

- Нет, час настал! - в исступлении взвизгивал мужчина. - Иначе я кончу с тобой всякое общение на сей же час, и уходи ты прочь ни с чем.

В мое сознание приходило постепенно объяснение всего происходящего фиглярства. Предо мною был гордый, униженный человек, чье имя скомпрометировали нагло, без всяких фактов и пощады. В некоторой степени я его понял, хоть и ненавидел всем сердцем, даже в дальнейшем, после его истории, которая произвела на меня грандиозное впечатление. Было очевидно, что этот человек не питал ко мне какой-то там ненависти, желал мне отомстить особенным и эффектным методом, а все и было лишь от моей мнительности и безрассудства, которые, однако, в этом конфликте я не упрекаю, напротив, имею право рассудить, что все это было естественной и даже оправданной реакцией на полоумие Павла Федоровича. Впрочем, он определенно был не совсем здоров, по крайней мере ментально. Проявлялось же здесь тще-

славие, и доказать он хотел не то, что он не *урод*, а именно как раз то, что он решительный *урод*, но благородный, падший, чем гордится без всякого стеснения. Это было заметно. Самое любопытное, что, по его же истории, Павел Федорович ничего дурного по отношению к его супруге не делал, а между тем так яростно и беспощадно себя оскорбляет. Другой вопрос: как может так человек любить до безумия, что позволяет себе себя слыть за недостойного этой любви, когда эта же любовь выбрала его, стало быть, с тем и оскорбляя свою любовь и между тем восхваляя ее. Мне не понятно было, из-за какого принципа он мне пытается объяснить свои чувства. Ведь пытался же мой собеседник скрыть, что считает себя подлецом, хотя чувствовалось, что считает совсем противоположное за правду. Вероятно, это просто-напросто желание высказаться... Я сел поудобнее на скамье, смирившись со своею участью. Глаза Павла Федоровича так и сверкали огнем, когда он наконец понял, что выиграл. Итак, вот его повесть.

II

Было тогда мне лет двадцать, прям как моему Андрейке сейчас... Характер был мой любопытный, впрочем, свойственный юношам сего возраста, а потому глупо судить, весьма лицемерно, ибо тут поначалу следует себя вспомнить, прежде чем обо мне скверное слово глаголить. Я, впрочем, не оправдываюсь, - это ты запомни хорошенько. Вы все унижить меня пытаетесь, доказать, что я подлец, что, возможно, так и есть, и Лерочку мою был не достоин, что в подметки и подонки я ей не годился, а все же заметить (о, как же надо заметить!), где я отыскал, в каком состоянии я ее нашел, и сразу же очевидно станет, без всяких споров и рассуждений, что ангелом-хранителем явился, и как никогда вовремя. Ты, Паша, порицаешь характер мой, всю сущность мою, и это я замечал всегда, при каждой нашей с тобою встрече, и твое право, я даже, признаюсь, рад, что ты так обо мне думать можешь: ты человек молодой, горячий, и где-то даже рассудительный, право, сие так. А потому и рассчитываю, уповаю до безумия на обыкновенное хотя бы понимание, ибо твое мировоззрение современное, вам в будущем мир строить. Итак, я что-то отвлекся, оно мне свойственно, уж не ворчи на старика, так еще и в моем состоянии... Хе-хе! Было сие обстоятельство в середине лета, уж наверняка и не вспомню, и лишь картинки всплывают, что тепло было и все зелено, свежо, однако ж. Мы с Гришкой по отпускам тогда взяли, решили: отдохнуть, так отдохнуть, чтоб еще надолго хватило! У меня семерка вишневая была, затарился ею тогда еще недавно, уж на права сдал к тому времени, и погнали. Куды погнали? Да черт знает, уже и не соображу, пьяненькие были решительно, веселые - ведь зато веселые!

Ночью дело происходило, в Москве; мы в ночной клуб забрели, название и не припомню уже, не спрашивай. Я же тебе замечу еще раз: возраст, хе-хе, любопытная штукавина, никакого разврата в мыслях и делах, разве только оно все машинально, а потому приемлемо. Мы искали счастья, хоть и временное, так сказать, мимолетное увлечение. Были почти в стельку, от упоения и предвкушения; гнал за рулем, еще соображал, но детали и позабылись. Среди наших пьяных криков и разговоров, весьма бессмысленных и пошловатых, между грубым смехом и благим матом, Гришка мне порекомендовал местечко, чтобы развлечься да и перейти на сладенькое, хе-хе, к клубничке. Чего ты морщишься? Не порицай меня, старика, сам ведь... Я пить решительно более не желал, ибо за рулем, да и голова трещала, и сквозь этой мешанины, радости и боли, такое счастье - страдать от безумия, от двойного состояния, когда уже носом клюешь, мысли фантастические и перемешиваются с реальностью! Впрочем, я Грише так и брякнул, что не выдержу, да и не первую ночь мы в сим блаженстве пребываем. Идея была-то его, то есть насчет чего-то *большого*, а я более с интересом, неким азартом, приглядывался, нежели с вожделием. Это у него страсти-то, вернее, их отсутствие, - но возраст-то! Короче, я не бушевал, согласился без всяких споров оттого только, что принял к нему компанию составить. И хоть намерение мое было твердое и неизменное (каким оно всегда и является), то, по опыту моему, предполагал, что искушение на сушнячок переселят мои старания и убеждения. Гришка мне идейку подкинул, когда мы рядом с клубом-то были, а потому мои мысли, как одно мгновение, пролетели в голове, и решение было сделано вскоре.

Он был тут опытный охотник, и я ему доверился полностью, вернее, доверил его самого ему же безусловно, отпустил вольничать; и тот так быстро испарился, так ловко и прытко скакал по клубу, заводя себе всякое общение, что успех дела был predetermined. Войдя в клуб, я сразу внимание обратил, что он и не полон, и не пуст, сам по себе был размеров скромных, хотя многие отрывались на рейвах. Я разместился у барной стойки, облокотившись на нее, и смотрел поначалу в никуда. Бармен раза три ко мне приставал, предлагая чего-нибудь и замечая мою задумчивость, все решался меня разогреть и увеселить, и я лишь наконец воду взял, и уверил его, что «я так просто, не могу не быть здесь, да и за рулем». Отстал. Был он чело-

век молодой еще, лет тридцати, брюнет с широкими бакенами и бородкой, до чрезвычайности харизматичный, пытался, что у него выходило, обслужить сразу нескольких человек; помимо него был еще один, светловолосый и весь выбритый, еще помоложе первого, лет так двадцати пяти. Мне вдруг стало очень грустно; голова раскалывалась, а музыка еще более напрягала и раздражала. Казалось, еще чуть-чуть - и я так и грохнусь наземь, ей-богу. Не знаю почему, но в эту секунду будто страдал так, как никогда доселе. Мы с Гришей условились, что ему выделено будет два часа, в течение них пускай управляется, как ему удобно, а затем, если все будет выходить удачно, он предупредит, что или с кем-то там на такси или еще на чем свалил туда-то для продолжения, или меня попросит их довезти куда-нибудь, и тогда я остаюсь в собственном распоряжении; иначе же дожидаясь его, и мы разъезжаем по домам (я его, конечно, довез бы до его дома). Замечу же, что Гриша был весьма собою хорош: высокий и худощавый, с русыми кудрявыми волосами и голубоглазый, с каким-то диким и беспрестанным желанием себя показать, найти любое приключение, лишь бы на месте не сидеть. Харизматичная эта натура, страстная и до невинности самовлюбленная. И все у него были какие-то заготовки, данные ему от природы, постоянно с порожней головою устремлялся к девушкам, все на импровизации и было организовано, а между тем почти всегда успехом и заканчивалось, той самой картиной, на которую он метился и которую многие желали. Сладострастник, редкостный сладострастник, - и редкостный оттого только, что делал он все свои манипуляции не от какой-нибудь там зависимости или похоти, сему возрасту присущей, а для самоутверждения, для ощущения, что он так гениально ломает всех, в том числе и тех девчонок, которые «не такие»... Хе-хе, ну ты понял. Это все мне Гриша сам рассказывал. Ему все доставляло бессметное удовольствие; и ведь Губанов (так звали Гришу) одно только желаемое получал, и дальше все кончено, тут же связи-то, всякий новый роман, обрывал. У него пару раз одновременно длилось несколько романов; но тут я уже от темы отхожу... Короче, мне следовало его ждать в течение двух часов, то есть скучать до безумия. Я в клубы не частил, хотя и жизнь у меня была не скучнее, чем у Губанова; у меня дела по-другому устраивались. Тем не менее я смотрел на всех этих веселых и пьяных людей с неким любопытством и понимал, что хвалить заслуги моего друга не стоит, по крайней мере преувеличивать их масштаб, поскольку тут почти каждый первый готов был отдаться за пару мгновений, так, ради кайфа. Все оно мною детально и уж слишком хорошо замечалось: эти громкие разговоры, флирт и скорый телесный контакт, недозволенный тем, кто знаком всего пару минут. Ведь порой почти с первой фразы прямые приглашения так и льются! Я, впрочем, не осуждаю; в моих делах и виртуознее, тоньше и гаже проворачивалось, хе-хе! Ну, думаю, ты и сам все это знаешь. Оно весьма простительно. Может, еще тогда, если бы не болела голова и не был я за рулем, то подружку или подружек себе бы подцепил. Несколько симпатичных в моменте успел приглядеть. Но не думай, что это так открыто про себя такую черту скандирую, ибо всякий подлец делает дела свои молча, пока глупый бахвал людно обманывают и рассказывают о своих подвигах. Подлецу и приятно более всего, когда о нем гадость скажут другие, так еще и натурально, с деталями, чтоб непременно как можно более мерзко звучало. Я тебе решительно рапортую, что не такой, поскольку сей логике не поддаюсь; а это истина неоспоримая. Да и иначе бы причины, которые я тебе сейчас озвучил, не остановили такого человека, как я. Во мне были принципы, и весьма благородные, просто-напросто, будучи подростком, я, как и все в моем возрасте, были одержимы понятными вещами и мыслями, хотя многие бы и ни за что не решились бы даже на самую мизерную пакость.

Я пробыл в своих каких-то мыслях где-то полчаса, уж и не вспомню; текучка вокруг меня была чрезвычайная, все пытались каждую минуту протиснуться к барной стойке, что-нибудь выпить стремглав и вновь ринуться танцевать. Вокруг мелькали разные лица, но чаще всего развратные, пьяные и счастливые и даже тупорылые. Несколько молоденьких девчонок даже нарочито, но делая вид, будто им нет никакого дела до меня, пытались юлить рядышком и

показывать свою готовность. И вот, то ли действительно все вдруг на мгновение исчезли и ушли на рейвы, то ли из-за особого внимания к этому человеку вся действительность, кроме него, испарилась, - бросилась на вид мне одна девчонка, молоденькая, лет так двадцать. Ох, что она за человек была! Если бы сейчас Андрей слышал мой рассказ, то, вероятно, за мою нотку проявления вожделения убил бы мгновенно, не раздумывая. Оно и понятно. Она была шатенка, с длинными волосами, зеленоглазка, росту среднего, стройная (уж последний пункт потом узнаю наверняка, хе-хе!). Впрочем, впадать в подробности здесь лишнее. На ней были тогда черные штаны и черная толстовка, все мешковато. Лера сидела у барной стойки задумчиво, упершись на нее локтями и придерживая свое личико ладонями; по взгляду она была уничтоженной, и будто его даже не скрывала, и вся эта глубина и ее досада зацепили меня решительно. Нет, никакой жалости не было, напротив, я не понимал, почему в этом месте, где все чуть не сходят с ума, нашлось такое бедное чудо! Меня брал интерес, непонятность ситуации, да и к тому же надо было как-то скоротать время. Самое удивительное, что не помню, болела ли у меня тогда еще голова, но определенно уверен, что всякие посторонние факторы словно стусевались, и ничего тогда меня не отвлекало. Как говорил ранее, был немного пьяненький, да и не мог же я наконец ее не спасти! Азарт, мечты, что я вот-вот стану ее спасителем, а она мне в награду подарит все то, что только сможет дать, - овладели мною. Мне хотелось сделать ей хорошо, внимаешь? Как можно в таком случае говорить, что я тварь развратная? К слову, да, грешок-то был, что взамен чего-то вдруг захотелось, но ведь это только мечты, очень подлые мечты, эфемерная причуда, лишь быстрая мысль, отгоняемая тут же, вовсе случайная и не серьезная, - но как же втайне не хотеть сего, когда ты добытчик, когда имеешь право на это, оправдываешь награду! Повторяю: это мысль неконтролируемая, скверная, она возникнет даже у самого благородного и простодушного человека, но решиться ее воплотить в жизнь - это другой разговор! Словом, ничего отвратительного не затевалось заблаговременно, и, будь уверен, оно так. Меня к ней тянуло, и даже на секунду не поколебался, чтобы к ней приблизиться, хотя и будто действовал против своих намерений, то есть словно мною кто-то управлял.

Еще до действия я заметил, что была она не одна, а со своей подругой, Ксюшей, прехорошенькой брюнеточкой, одетой тогда в черное обтягивающее платье, с прекрасной фигуркой, хе-хе. Она была ее ровесница. Все ходила вокруг да около Лерочки, трогала ее, обнимала, чего-то, беспрестанно махая руками, ей доказывала и пыталась, видимо, поддержать подругу. Очевидно, Ксюша была пьяна; я будто даже ревновал Леру к ней.

Вошел тогда в кураж, и как-то я подкатил одновременно к двум, но сразу дал понять, что мое внимание именно относится к Лере. Подойдя к ней ближе, я разглядел ее бледное личико, все изнуренное и убитое. Она решительно молчала, отчасти стеснялась, и даже выяснилось впоследствии, что взаправду она такая скромняшка, невинная, - а между тем Ксюша все ее растолкать пыталась, чуть ли не прямым образом подмигивала подруге на меня, дескать, «вон какой красавчик к тебе лезет, а ты про этого дурака мысли томишь». Да, Паша, у нее проблема выходила (но, однако ж, и очевидно!), была она до чрезвычайности необыкновенной, а с тем и весьма заурядной. В подробности вдаваться не буду, а лишь кратенько объясню. Какой-то там паренек ей изменил; говорю же: житейское горе и скучное обстоятельство. Вышло как-то так, что он Лерою умно пользовался, вокруг пальца водил, а она таяла от страстной и наивной (оказалось, и первой) любви к нему. Была она «попослушной девочкой», и оно мне и нужно было. Я ей поднял настроение, ловко и вовремя шутя и делая вид, что озабочен ее проблемами, словно они мои собственные и являются первостепенными в моей жизни. Правда, Лерочка пыталась скрывать свои чувства, вероятно, уже не желая их показывать хоть кому-то, и оно объяснимо: травма! И где-то прорывались из нее смешки, истерические и сдержанные.

Все было слажено: Гриша приискал себе подружку и сложными путями, через автобусы и электричку, добрался-таки с нею к себе домой. Он мне все их продолжение рассказал обстоятельно, хе-хе; но не об этом. Я же не напрашивался, напротив, показал знак явный, что ничего

не желаю и не требую от нее, а лишь искренне помогаю, - я предложил только довезти ее и, если необходимо, ее подругу по домам, на что Лера согласилась лишь потому, что Ксюша ее положительно в этом уговаривала. Замечу же, что Лерочка не пила тогда вовсе, и, может быть, своим появлением тогда ее спас от пьянства и, кто знает, отчаянного и неистового разврата. Ксюша была пьяна и как-то на меня особенно смотрела; мне казалось, что если бы не Лера, то та так и запрыгнула бы на меня... Они жили в Москве, недалеко друг от друга, а потому, с помощью их указаний и подсказок, путь был проложен весьма успешно, хотя ожидалось иначе. Более же помогала Лерочка, ибо была трезва, хотя и подавлена; ей будто доставляло некоторое удовольствие эта помощь мне. Ехали же мы громко, вернее, Ксюша была в хламину и вытворяла вещи непредсказуемые.

Сперва попрощались именно с ней, высаживая ее рядом у ее подъезда, чтобы убедиться в ее способности добраться до кровати. Потом уже время подошло и для Лерочки, и тут я навязался ее проводить вплоть до самой двери квартиры, и она даже не сопротивлялась и не отнекивалась. Будто без лишних глаз перестала меня бояться. У порога мы очень долго прощались, и не знаю, что мне тогда было еще нужно, ибо номер телефона я ее давно заполучил, и мне бы осталось только и всего назначить свидание, и, уверен, она бы не отказала, поскольку была в счастливом расположении духа. Но что-то изменилось, пошло не по плану, и уже тяжело описать точную последовательность событий; все, как в тумане, грубо и грязно, а с тем и весело и азартно. Чего только не вышло в ту ночь, и невозможно было доселе рассудить, что до сего исхода вовсе могло все пойти. А между тем с новыми, невероятными обстоятельствами случились неожиданные и значительные проблемы.

Прошло месяца с четыре, когда начались первые слухи, несносные и большею частью выдуманные. Я определенно не знал, что делать. Обыкновенная шалость превратилась в психологический кошмар; все суетились. Узнав решительно, что Лерочка беременна от меня (и ведь с того самого раза), я стал рассуждать обстоятельство до всех мелочей. И так как сердце мое было благородное и благодушное, да и любил я эту женщину до безумия, то, конечно же, решил принять сию ношу гордо и гласно. Отсюда ведь все и начинается, - и никогда, (слышишь!), никогда не предавал ее, был ее покровителем до самой смерти. Да и иначе бы кинул, как остальные, не заморачиваясь, или чего-нибудь выдумал бы, - но нет, все равно подлый! Ты извини, раздражает просто... Есть факт неоспоримый: можешь меня осуждать, оскорблять и ненавидеть из-за одного только, что все у нас случилось сразу же, будто бы я развратил такое невинное существо, как Лерочка, - но ведь подумай: то и была любовь, с первой же ночи, и можно - можно ли ее осуждать, раз она доверилась мне, нашла во мне того самого? Я, впрочем, не перекидываю ответственность; чего ты так морщишься? Для мужчины нет слаще плода, чем верная и покорная жена. Да и к тому же все по привычке жил: ведь жизнь-то одна, надо выпить ее до дна... Нечего времени терять, если судьба такая, а я впоследствии в ней убедился, то есть в ее желании быть моею помощницей по жизни. Я тут не оправдываюсь; думай, как хочешь, ибо вижу же, как ты на меня подмигиваешь.

Я тогда уже жил отдельно, и после появления нашего первенца, да и единственного нашего ребеночка, Андрейки, Лерочка переехала ко мне окончательно. Через пару месяцев нашей совместной жизни начал распространяться про меня скверненький слухок, что будто бы я ей изменяю, и именно с ее лучшей подружкой, той самой Ксюшей. Мне же однажды даже Губанов намекнул на нескольких личностей, которые этой дурью занимаются. Оно все, Паш, от зависти... Мне не хотелось с обидчиками иметь никакого дела, я знал, что с тем защищаю честь своей жены. Между тем я дал ей знать, да и по своему характеру не смела она мне перечить, - что и останусь гулякой, но что не планирую с тем изменять ей тайно, ибо пускай уж видит во всем благородное, чего и было. Никогда себя я менять не собирался, тем более прогибаться, и Лерочка знала это с самого начала, даже мною гордилась, а потому это ее жертва была, желание отдаться и увеселить жизнь мне. Она должна была мне быть благодарна одному только, что ее

я спас, и в ней это заложились положительно. Не знаю, как она могла меня так обождать. Иногда она сама хотела, чтоб я пошел кутить, отдохнул, дескать, «ты у меня заслуживаешь *этого*». Поэтому и знала Лерочка все до мельчайших подробностей, я ей сам их описывал. Бывает, правда, очень грустною и станет, молча выслушает да и пытается за меня порадоваться. Что за ангел! Потому решительно тебе глаголю, что все мои связи с Ксюшей, да и с другими в целом, были одобрены, даже поддерживались в полной мере.

Годы шли, Андрейка был для своего возраста малого (девяти лет) чрезвычайно понятлив и умен, а потому начал догадываться. Вопреки своему смирению, мать его не желала, чтоб я подавал дурной будто бы пример, чего, однако, ей не удавалось. У меня и так времени на них не было, я был в своих делах. Наконец явились финансовые проблемы, да и работать я тогда почти перестал по различным причинам и убеждениям. Появлялись первые бунты, но все от любви, и это тоже я понимал; и все-таки начал чуток бивать Леру, так, для урока, и мне она была впоследствии благодарна, - ибо все же должна она была знать свое положение и понимать, кто здесь принимает решение, да и имеет ли она право вовсе мне перечить, если известен ей мой характер изначально, и с самых первых дней были предупреждения, что будет все именно так и никак иначе. Ей было хорошо, что мог сохранить и показать свою власть. Не думай, что оно все насилие, ибо будь оно так, я бы не бивал. Ведь это ее желание, так сохранялись любовь и уют в семье, наконец, важно ради Андрея было сохранить полную семью, - и, как итог, страсть не угасала, а для ребенка меньше травм психологических. Ко всему этому вопросу я подходил обдуманно и серьезно. Ты ведь думаешь, что оно у меня одно так, а как начнешь спрашивать, как в других семьях творится, так и выводишь, что среди зла, в котором упрекают тебя, ты единственный чистый человек. Лучше никогда не знать, что в чужой семье творится; это я тебе наверняка говорю. Те, кто в то время скомпрометировал наше с Лерочкой имена, сами были развратными людьми, не семейными, а, стало быть, не имели право судить.

Так прошло с года три, и чего-то здоровье у Лерочки стало стремительно ухудшаться. Все лет так тринадцать она была бледна, задумчива и молчалива, и как бы я ни пытался ее иногда расспросить, она лишь улыбалась, уверяя, что все хорошо и мне только кажется, и переходила на меня. Все это с годами было ловко слаженно, и я даже не сопротивлялся, да и приятно было, как она мягко, с чрезвычайной заинтересованностью, и обстоятельно расспрашивала меня, словно только моею жизнью и жила. На скандалы она меня выводила, то есть скажет или сделает (не сделает) чего, а я и разрешаю сразу, устанавливаю, скажем так, режим справедливый и благонравный. У меня она умничкой была, часок-другой повинится про себя и наедине - и сама же прощения лезла просить, плакала - о, как она иступленно плакала, как в лихорадке! И сразу видно, что невинная, целомудренная Лерочка у меня. Бывает, и на колени бросится, обнимет и лепечет навзрыд, что «это-то тебя я, милый, недостойна, эгоистка и дура, смею тревожить и твое достоинство задеть». Я очень ею дорожил, слышишь? Как бы то ни было, а однажды мы очень побранились, и исход был неожиданный. Я и не представлял, что так может произойти. Все из-за какого-то пустяка, мелочи, что даже в голову не приходит суть его, а между тем Лерочка была на нервах, истерила и рыдала, уж будто и задыхаться начала. Она на стуле сидела и, пока меня слушала, голову вниз опустила, хлюпя, - как вдруг и подскочила, что-де «могу ли я хоть раз за что-то взяться, да даже не ради меня, а ради сына?» - и как завопит, будто бес выходит, так я взять - и по голове, так, умеренно, конечно же. Она аж отлетела, и сразу опомнилась, начала сразу же прощения и просить, что ей несвойственно: «так и так, извини, прошу тебя ради бога, за все извини, а более не могу, и зла не держи, равно как и я на тебя, любимый ты мой» - и тотчас в обморок свалилась. Самое же основное, что стоит заметить, что всю эту сцену видел и Андрей, и впоследствии она его перевернула до чрезвычайной степени. Я не хотел, понимаешь? Это ж насколько надо жить человеком, что даже закончить словами «любимый ты мой»? Да, закончить... Это было вечером, зимою, стемнело на улице давно. Поначалу я пытался ее откатать, в чувство привести, но после тщетных

попыток повез в ближайшую больницу, а там она и слегла окончательно через пару часов, уже ночью. След насилия не обнаружили, и была смерть как бы представлена естественною. Ведь тут же сориентировался, как молния, ее доставил в больничку, даже, благо, повезло, что в тот день не стал пить, хотя не раз собирался приступить. Это хроническое оказалось, и все от ее молчания! Эх, Пашка, если б она только мне хоть два слова вымолвить могла за всю семейную жизнь нашу, - но ведь как вышло! Я после похорон и поминок у Ксюши был, она меня очень тогда поддержала... Но и с того случая стал пить еще более, но не из-за одного только кайфа.

Ведь после Лерочки ни одну жену я более не заводил, хотя и приключения свои продолжал. Тебе все хочу указать на то, что ценил ее и никакая женщина ее заменить не смогла бы. Во время сцены нашей с Лерочкой Андрей все неистово кричал, просил остановиться; а после смерти матери и вовсе стал серьезным и скрытным. С ранних лет начал где-то зарабатывать, да и пытаться повзрослеть. Все сходилось: пример я ему дал. А тем не менее будто бы он затаил на меня некую злость, ненавидел меня, но скрывал, очень умело скрывал, даже терпел, чего не хотел видеть в нем: лучше бы высказался, крикнул мне пару ласковых, чем так презрительно смотреть. Ох, этот взгляд обиженного на тебя человека уже есть самая страшная пытка! И чего я только ни испытал за все последние годы, и ведь не достоин такой пытки! Все так же вдруг из ниоткуда и повывлезали, начали меня порицать и гласно бесчестить, будто я корень и их проблем в том числе. Стали и многие близкие люди меня оскорблять, и казалось, что в этом они находят некоторое наслаждение и даже считают это своею обязанностью. Повывлезали! Как чужое несчастье, так надо его непременно сделать темой для обсуждения. Но из-за чего? Мы любили друг друга до безумия, и умирала Лерочка в полном счастье, - это я тебе решительно говорю. Все меня предали, и потому теперь я один. А оно не легко, и не скрываю, что частенько приходится страдать, а мой образ жизни - это последствие, естественный процесс. Кто не станет так пить, когда потеряет не близкого человека, а весь смысл его жизни! Она ведь и была моим смыслом, брат, понимаешь? И что: ведь никто не понимает, каково оно, ибо сего не испытывали, да и не желаю им подобное. Но никогда со зла ее не ругал и не бивал, только для порядку, когда она сама в этом наслаждение находила! Наконец, я семью сохранил, не бросил ее, то есть спас не один, а все два раза, и она это тоже понимала и ценила, да и указывал ей на это. Все оно несправедливо! Как можно после всего этого ко мне так относиться? Но воля ваша, Паша, я не оправдываюсь, а рассказываю, - рассказываю правду, чтоб не себя защитить, но ее, ее имя светлое и невинное защитить!

Можете сколько угодно терзать меня упреками, я мнения не поменяю: нет справедливости! Это жизнь, и она частенько несправедлива! Хоть бы раз кто хорошее слово мне сказал - да и ладно другие, но сын родной презирает, все молчит, а на душе-то и скверно! Я виду не показываю, ибо здесь гордость, да и его натуре тоже не понравится, глядишь - и рассердится, ибо весь в меня гордый, все на меня не пытается быть похожим, а в результате из-за этого желания отдалиться от меня злость-то и накапливается, а потому точь-в-точь моя копия. А коли напрямую скажу, так и уважать перестанет вовсе, ибо слабость не простит. Меня, старика, с наслаждением казнят! Ему не говори только; хотя, впрочем, уже все равно. Так, а чего это все гудит-то, - тебе, что ли, звонят? Чего не отвечаешь, ведь точно тебе! Ответь, я подожду... Давай, давай!

III

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.